

М. М. БОГОСЛОВСКИЙ

Петр Великий по его письмам

I

Петра Великого очень занимала мысль о составлении истории России. Неоднократно он предписывал собирать источники для этой истории: летописи, грамоты и другие памятники, а вместе с тем заказывал и литературную обработку истории. Следует и в этом деле отметить черту, вполне совпадающую с общим практическим направлением мысли Петра. В отечественной истории его интересует то, что можно извлечь из нее практического, на-сущно полезного; его занимают не досужие гипотезы о древней-ших, покрытых туманом неизвестности временах, не «начало света», как он выражается, а ближайшие к нему два века — XVI и XVII, начиная с княжения Василия III¹, составлявшие для него «новую и новейшую историю», как бы мы теперь сказали. Такое сочинение по русской истории должно было познакомить Петра с недавней стариной, рассказать ему о событиях, с близкими последствиями которых он стал лицом к лицу, объяснить ему происхождение тех окружавших его явлений русской жизни, на которые он сам стремился воздействовать своею волей. Немало также заботился Петр и о составлении истории собственного царствования. И эта забота вызывалась всего более практическим интересом. В истории своего царствования Петр, оглядываясь на свою деятельность и подводя ей итоги, хотел дать ей объяснение, указать на ее разумность и полезность, и в этом случае история должна была служить ему таким же публицистическим орудием, каким были политические трактаты, заказываемые Феофану Прокоповичу, или его собственные предисловия к разного рода указам, где выяснялась полезность и необходимость их издания и те благие цели, к которым эти законы были направлены. Занимавшая его мысль о составлении ис-

тории царствования нашла себе выражение в нескольких оставшихся после него собственноручных заметках. «Написать о войне, — пишет он раз, — как зачалась, и о нравах и случаях, как и кем делана». Война, разумеется, казалась тогда главным событием царствования. Но Петр вовсе не думал ограничиться в предполагаемой истории изображением одной только войны. Его программа была шире. «Чтоб вписать в историю, — гласит другая его заметка, — что в сию войну сделано, каких и когда *распорядков земских* и воинских обоих путей регламентов (т. е. сухопутных и морских) и *духовных*; також строения фортец, гаванов, флотов корабельного и галерного и мануфактур всяких, и строения в Питербурхе и на Котлине, и в прочих местах».

Для составления истории царствования постоянно собирались необходимые материалы. Предписано было доставлять в кабинет государя из разных ведомств и учреждений и отдельные документы, и даже целые исторические записки, составление которых поручалось очевидцам и участникам подлежащих описанию событий. Так, начальник Преображенского приказа кн. Ромодановский должен был представить записку о стрелецком бунте 1698 г., о котором он мог хорошо знать потому, что бунтовщики прошли через его руки при розыске о мятеже. Кн. В. В. Долгорукий, командовавший войсками, посланными укрощать Булавинский бунт², составил записку об этом бунте. Фельдмаршал Б. П. Шереметев, генералы кн. М. М. Голицын, кн. Репнин, гр. П. М. Апраксин написали о своей деятельности во время Северной войны. Генерал-фельдцейхмейстер Брюс дал очерк развития русской артиллерии; генерал-полицеймейстер Девьер изложил историю возникновения Петербурга и Кронштадта. Из Коллегии иностранных дел потребована была записка о дипломатических сношениях, из военной — о рекрутских наборах. Даже пленные шведские офицеры были привлечены к этой работе. Так, генерал Шлиппенбах² доставил сведения о действиях Карла XII после Нарвской битвы*.

При этом собирании документов один их род не привлекал к себе внимания Петра — это его собственные письма. Точнее, впрочем, надо будет сказать, что Петр не придавал значения той стороне этих писем, за которую мы теперь этот род источников особенно ценим, именно их частной стороне, не касавшейся государственных дел. Надо заметить, что в переписке Петра нет сколько-нибудь резкой черты, отделяющей их частную сторону от официальной. Обращаясь к близкому человеку с самым шут-

* Устрялов. История Петра Великого. Т. I. С. XXXIII.

ливым письмом, полным подробностей интимного характера, он тут же диктует свою волю как государь. И наоборот, к письму официального характера присоединяет нередко какую-нибудь приписку совершенно приватного свойства. В кабинете государя перед отправлением его писем по назначению их содержание в более или менее сокращенном виде вносилось в особую книгу «исходящих», в так называемые «Тетради записные указам, отходящим за рукою государевою». Бывало и так, что Петр набрасывал собственноручно черновик письма; затем адресату отправлялась подписанная государем чистовая копия, а черновик оставлялся в делах кабинета. Но сохранять содержание письма в канцелярии государя тем или иным способом: посредством ли занесения его в тетради исходящих или посредством оставления в бумагах черновика побуждал отнюдь не исторический, а чисто практический, деловой интерес. Ведь письма Петра — по большей части в то же время и указы, обязательные для тех лиц, кому они адресовались; а раз это так, то порядок делопроизводства требовал регистрации этих указов там, откуда они отправлялись. Можно заметить, что в кабинете обнаруживали больше интереса к деловой, официальной стороне писем как документов выражения высочайшей воли, чем к частной, интимной. Письма-указы государя в тетрадях записных передаются подробно, иногда почти полностью, с точным воспроизведением текста, касающегося тех дел, о которых в письмах даются распоряжения. Но содержание такого совершенно частного письма, как письмо от 17 августа 1707 г. к известной участнице всешутейшего собора князь-игуменье Дарье Гавриловне Ржевской, в тетрадях записных, где оно было также все-таки зарегистрировано — передано одним только словом «кумплемент»*. Точно так же содержание письма от 28 мая 1707 г. к сестре Наталье Алексеевне выражено в Тетрадах двумя словами: «о здоровье»**. И для самого Петра, и для его канцелярии важно было хранить содержание писем-указов для памяти и для соображений в тот момент, когда станут доносить об исполнении переданных письмом повелений, и также и для порядка в дальнейших распоряжениях. Если и придавалась цена этим письмам как историческим документам, то именно с их деловой стороны, поскольку они были указами и поскольку свидетельствовали о разных приказанных от монарха делах. Те же стороны письма, где о делах не говорилось, но где, может быть, ярче всего выражались черты личнос-

---

* Письма и бумаги Петра В<еликого>. Т. VI. № 1912.

** Там же. Т. IV. № 1295; Т. V. № 1771.

ти их писавшего, не привлекали к себе внимания и как исторический документ не рассматривались.

И мы не можем упрекать Петра как историографа в таком пробеле при оценке источников. Надо припомнить, что вообще в его время письма не входили еще в круг источниковедения и не ценились как исторический материал. Правда, уже и ранее письма собирались и издавались, но не в качестве исторических документов, а как произведения особого вида литературы, эпистолярной словесности, и только уже новою научной историографией частная переписка была оценена как исторический источник. Впрочем, для нас, историков, в этой недооценке Петром Великим своих писем заключается особая выгода. Можно даже сказать, что письма Петра имеют для нас тем большую цену исторического документа, чем меньше он сам смотрел на них как на исторический документ. В наши дни перед всяким сколько-нибудь выдающимся человеком, когда он пишет дневник или мемуары или когда он ведет переписку, вероятно, не раз мелькнет представление о красной обложке «Русской старины» или бледно-желтой обложке «Русского архива», и не напрасно: в тот или другой журнал его бумаги рано или поздно и попадут. Действие письма одним адресатом не ограничится; оно со временем сделается достоянием широкого круга читателей. И вот письмо перестает быть надежным зеркалом; оно дает не совсем правильное изображение пишущего, оно отражает не то, что есть, а то, чем пишущий хочет быть или, по крайней мере, казаться.

Когда пишет письмо Петр Великий, он, разумеется, совершенно не представляет его себе в печатном виде на страницах того или другого исторического издания. Его письма не рассчитаны на печать, поэтому всегда искренни, всегда верно и точно отражают его, как он есть, и имеют значение чистого и прозрачного исторического источника, трудно заменимого при изучении личности Петра. С делами Преобразователя мы можем познакомиться по многим другим, может быть, гораздо более полным и подробным документам. Но взгляды, мысли, настроения, чувства, — словом, все то, что составляет внутреннюю сторону личности Петра Великого, все это ни в каком другом источнике не отображается с такою полнотой и отчетливостью, как в письмах. По другим источникам, по отзывам о нем соприкасавшихся с ним современников мы знакомимся с тем впечатлением, которое Петр на этих современников производил. Как бы ни были верны и близки к истине эти переданные впечатления, это все же изображения приблизительные, либо преувеличенные, либо преуменьшенные, это не Петр Великий, а только легенда о Пет-

ре. В письмах перед нами сам Петр в своем подлиннике. Читая письма, мы становимся с ним лицом к лицу непосредственно. Нам виден не только его внешний облик, но перед нами раскрываются и его внутренние душевные движения.

II

Петр много и охотно пишет. По последним томам того тщательного хронологического собрания его писем, какое мы имеем в издании «Писем и бумаг» *, можно видеть, пересматривая его переписку день за днем, что в каждом месяце число дней, когда Петр ведет корреспонденцию, обыкновенно больше числа дней, в которые он не берется за перо. Притом на каждый день, когда он занимался перепиской, приходится по несколько писем. Есть дни, в которые он отправлял по 7 и по 10 писем. Наибольшее число писем за 1707 год приходится на 6 июля, день, когда было написано 12 писем. Перо постоянно у Петра в руке; он пишет собственноручно или, как мы уже видели выше, собственноручно набрасывает черновик, с которого затем посылается адресату подписанная государем копия. Иногда он диктует письма. Можно заметить, что к близким людям Петр обыкновенно пишет собственноручно. Таковы, напр<имер>, его письма к Екатерине, к Меншикову, к Апраксину. Наоборот, к тем, даже выдающимся и ценным, сотрудникам, с которыми, однако, государь далек и холоден, чаще отправляются письма, лишь подписанные им. Князя Дмитрия Михайловича Голицына, выдающегося

---

* Особой, учрежденной в 1872 г. при Императорской Академии наук комиссией выпущено до настоящего времени шесть томов писем, помещенных в хронологическом порядке и снабженных обстоятельными примечаниями. С научной точки зрения это издание не оставляет желать ничего лучшего. Издание доведено теперь уже до 1708 г., и этого количества писем, как нам кажется, достаточно для правильности суждения как о самих письмах, так и об отразившихся в них чертах характера их автора. Кроме напечатанных в разных других изданиях писем, мы пользовались также «Тетрадами записными», хранящимися в Государственном архиве, при любезном содействии, оказанном нам Я. Л. Барсковым. Само собою разумеется, что мы далеки были от мысли предпринять какую-либо исчерпывающую работу о письмах Петра: до завершения академического издания «Писем и бумаг» такая задача преждевременна. Прекрасная характеристика писем Петра дана в статье г. Сивкова «Петр В<еликий> как писатель» в издании Сытина («Три века царствования Романовых», под редакцией В. В. Каллаша).

государственного человека, занимавшего все время важнейшие и ответственные посты, Петр очень уважал, но не любил, так как знал, что Голицын многих его поступков и предприятий не одобряет. Из 35 писем, отправленных Голицыну в то время, как тот занимал место киевского губернатора, и напечатанных в XI т. «Сборника Императорского Русского исторического общества», всего 7 собственноручных; остальные только подписаны государем. Письма Петра обыкновенно очень кратки; всего чаще размером в 7—8 строк печати в издании «Писем и бумаг». Он бережет время; в немногих строках он умеет вполне ясно выразить свою мысль. Но он не затрудняется написать Федору Матвеевичу Апраксину, своему шурину, собственноручное письмо и в 35 строк того же печатного текста, да притом, уже подписав письмо и пометив дату, присоединить к нему еще *postscriptum* в 8 строк. Собственноручное письмо к поручику В. Д. Кормчину, который был послан возобновить и усилить укрепления в Москве, еще больше, занимает 50 строк текста*. Нередко в беловик письма, сделанный рукою писца, Петр вносит своею рукою новые вставки и дополнения, а иногда снабжает его собственноручною припиской. В письмах Петр тщательно обозначает время и место написания, и эти даты свидетельствуют, как неумолим и аккуратен был Петр в переписке. На полученное письмо он отвечает тотчас же и сам подчеркивает эту аккуратность. Так, один из ответов Меншикову Петр пометил: «Ис Тикотина в 13 д. (в тот же час, как письмо подано) сентября 1707 г.»**. Лихорадка, которою он болел в августе 1707 г. в Варшаве, не удерживает его от письменного стола. В собственноручном письме к Ф. М. Апраксину, проставив дату 3 августа 1707 г., Петр сделал при обозначении места особую приписку в скобках: «Из Варшавы (в которой едва не все так трактованы от лихорадки, как я)». Даже в самый разгар пира он отрывается от него и располагается отвечать на письмо тут же за обеденным столом. 28 июля 1706 г. под Киевом, получив письмо от Меншикова, государь обстоятельно ответил на его вопросы, дал ему несколько руководящих указаний и письмо закончил добродушным поклоном и обозначением момента, когда оно писалось: «За сим, предав вас в сохранение Вышнему и всех пребывающих с вами, еще прошу должный поклон отдать господам генералам-поручикам и генералам-майорам Рену, Розену, Боуру, Флюку и всем офицерам и рядовым,

* П<исьма> и б<умаги...>. Т. VI. № 1904.

** Там же. № 1967, 1975: «Из Тикотина в 14 д. сентября 1707 г. при самом в Минск отъезде».

понеже мы теперь в дому генерала Брюса про ваше здоровье подпиваем» *. В другом письме к Меншикову, помеченном «Из парадеза, или Санктпитербурха в 11 д. сентября 1706», Петр сделал такую приписку: «Еще же, хотя и малое, однакож зело раретейт, что перед моим приездом за несколько недель привезли из Волги от Твери и сквозь Ладожское озеро в прорезном стругу 80 стерледей живых, из которых севодни трех выняв и от святейшия руки закланныя едим сейчас и про ваше здоровье при рюмке ренскова» **. Одно из следующих писем Меншикову, также из Петербурга от 17 ноября 1706 г., Петр пометил так: «Писано в доме вашем, принося жертву Бахусу довольную вином, а душею Бога славя» ***.

По обращению к адресату заметна большая или меньшая степень его близости к царю. Из упомянутых выше писем к кн. Д. М. Голицыну только в первом находим фамильярное обращение по-голландски «Min Her»; остальные Петр начинает сухим официальным обращением: «господин Голицын», «господин губернатор». Название адресата по фамилии, по должности или о чину — обыкновенная форма обращения в официальных письмах Петра. В письмах к фельдмаршалу Б. П. Шереметеву, таланты которого Петр ценил, но к которому так же, как и к Голицыну, не питал теплых чувств ****, царь называет его Her, Her Kavalir, но по большей части «господин фельдмаршал». Зато в письмах к сотрудникам, к которым Петр чувствует расположение, часто обращение на голландском языке, иногда шутливое и нежное. Ф. М. Апраксин называется Min Her Admiralteic, Min Her Admiral. А. В. Кикин носит название: Mein Grotvader. Управлявшего монастырским приказом И. А. Мусина-Пушкина Петр называет Bruder. К старому и преданному слуге Т. Н. Стрешневу, в руках которого во время юности Петр сосредоточивал все управление внутренними делами, в одном из писем он тепло обращается, называя его по имени и отчеству: «Тихон Никитич», что делается вообще очень редко. В переписке с знаменитым князем Ф. Ю. Ромодановским, несмотря на са-

---

* П<исьма> и б<умаги...>. Т. IV. № 1296.

** Там же. № 1349.

*** Там же. № 1417.

**** Там же. VI. № 2015 Меншикову от 2 окт. 1707 г.: «Сего часу получил я от вас письмо, в котором пишете, что писал к вам господин Шереметев, будто я велел ему идти в Борисов; которое он учинил ради старой своей обыкновенной лжи, а я писал, чтоб в Минск, а не в Борисов...».

мое деловое содержание отправляемых к нему писем, Петр постоянно ведет игру в «кесаря» и «подданного», называет его Min Gnadigste Kenich, Min Gnadigste Her или Siir, титулует «вашим величеством» и подписывается «Вашего Величества нижайший подданный Piter Michaylof», «Вашего Величества нижайший слуга Piter». Но особенной сердечностью отличается обращение в письмах к Меншикову, которому ласковые голландские названия пишутся почему-то по большей части русскими буквами: «Мейн либсте камарат», «Мейн липсте фринт», «Мейн безсте фринт», «Мейн брудер», Mein Herc. Соответственно с этим обращением письма к Меншикову иногда и заканчиваются подписью «Ваш каморат». Обыкновенно в деловых письмах Петр подписывается по-голландски — Piter; в письмах к Екатерине — неизменно по-русски. Преобладает в переписке местоимение «вы». Но это «вы» не выдерживается и чередуется со вторым лицом единственного числа «ты», что так характерно для разговорного языка начала XVIII в. «Grotvader, — пишет Петр А. В. Кикину от 23 мая 1709 г. — объявляю вам, что полковник Яковлев запорожцев штурмовал и хотя 300 человек потерял, однакож проклятое их гнездо — сечу, взял и оных всех порубили. И тако последней корень мазепин, с помощью Божиею, выкоренен, и о сем объяви господину вице-адмиралу, также генералу-майору Брюсу и прочим и сим от меня всех поздравь. Piter» *.

Слог писем отличается сжатостью, точностью и силой выражения. Вообще Петр как писатель проникнут правилом, гласящим, что краткость есть душа мудрости. Так, в 1724 г., обдумывая устройство празднования третьей годовщины Ништадтского мира, царь набросал конспект, или программу, торжественной оды. «Надлежит, — читаем мы в этом конспекте, — во первом стихе помянуть о победах, а потом силу писать о всем празднике следующую: 1) неискусство наше во всех делах, 2) а наипаче в начатии войны, которую, не ведая противных силы и своего состояния, начали как слепые. 3) Бывшие неприятели всегда не только в словах, но и в историях писали, дабы никогда не протягать войны, дабы не научить тем нас. 4) Какие имели внутренние замешания, также и дела сына моего, також и турков подвигли на нас. 5) Все прочие народы политику имеют, дабы баланс в силах держать меж соседей, а особливо, чтобы нас не допускать до света разума во всех делах, а наипаче в воинских; но то в дело не произвели, но якобы закрыто было сие пред их очесами. Сие по

* Сб<орник> И<мператорского> Р<усского> и<сторического> о<бщества>. Т. XI. С. 17.

истине чудо Божие; тут возможно видеть, что все умы человеческие ничто есть против воли Божией. Сие пространно развести надлежит, а сенсу довольно». «Разводить» поручено будет какому-нибудь досужему ритору или пиите; царя же интересует только самый «сенса». Письма Петра — не литературные произведения, подобно переписке Екатерины с ее знаменитыми корреспондентами; они не предназначаются для того, чтобы доставлять адресатам занимательное чтение, поражать остроумием, вызывать те или другие эмоции. Они по большей части в то же время и указы, в которых Петр не только делится с корреспондентом своими мыслями, но и предписывает корреспонденту свою волю, и его воля выражена всегда настолько ясно, что едва ли когда-либо выражения его письма вводили в недоумение читателя, которому оно предназначалось. Когда он пишет письмо, его цель, чтобы его ясно поняли и в точности исполнили то, что он в письме приказывает; поэтому он и старается выразиться кратко, ясно и энергично. Он нисколько не заботится о синтаксисе, нагромождая одно за другим придаточные предложения, начинающиеся словами «который», «понеже», «ибо» — лишь бы был ясен смысл и лишь бы мысль была выражена достаточно полно. Подобно тому как, попадая к кому-либо на обед, Петр занимал первое попавшееся место, он, когда пишет, берет для выражения мысли первое попавшееся ему слово, одинаково русское или иностранное; всякое слово для него пригодно: победа или виктория, слава или фама, лихорадка или фибра и т. д. Тою же неразборчивостью отличается его орфография, орфография чисто слуховая. Петр пишет по слуху, употребляет первую попавшуюся букву для того звука, который ему хочется изобразить. Все буквы для него одинаково пригодны: *e* и *ѣ*, *i* и *и*, *в*, *ѣ* и *ѳ*, и только к твердому знаку *ѣ* он питает какую-то особую любовь, ставя его к месту и не к месту. Он пишет: «непъриятель», «противъный», «ѳъсех», «полк Семеновъской» и т. д.

Итак, письма Петра всегда деловиты. Но *le style c'est l'homme*, и при всей своей деловитости, при всем их практическом значении, в слогe писем постоянно отражаются черты разносторонне одаренной природы автора. Письмо Петра не монотонно и не бесцветно. Он умеет в нем блеснуть начитанностью, привести ту или другую цитату. Очень нередко цитируется текст Св. Писания. Собственноручное письмо к поручику В. Д. Кормчину, командированному «фортификавать» московский кремль* и приславшему проект укрепления кремля, полно детальных за-

* Журнал, или поденная записка. Изд. Щербатовым. Т. I. С. 158.

мечаний на этот проект, технических указаний и распоряжений. «О Къремле. От Свирловой башни до Водовъводной башни F. G. весьма без всякой обороны зделан, того ради здесь поправълен линиями А. В. С. А перед Боровицкими вороты и от оных до Каменного мосту і до башни Охотново ряду ничего не надлежит делать ради горы, точию такие Ѡланки і реданы, как у Спасских і Николских ворот; разве по самой нужде у Боровитских ворот зделать болворок [хотя і Ѡ Ѡасе проезд будет]». И далее в этом большом письме речь идет о болворках, фасах, палисадах, контрэскарпах, горн-верках и т. п. Но среди всех этих технических подробностей читаем: «Что же принадлежит о Феодосиевой церкви, і втом мое мнение: лутче оною сломать, нежели Ѡртецию испортить, ібо не гораздо нужно на Москве церквями: чаю і пустых есть; а особлива сия церковь не чаю, чтоб зело была Богу приятна, понеже серебро, на которое оная строена, тако приятно Богу, как Симоново было святому Петру» *. Церковь св. Феодосия в Стрелецкой слободе пред Никольскими воротами сооружена была ненавистными Петру стрельцами; их серебро здесь и разумеет Петр, упоминая эпизод о Симоне-волхве из Деяний Апостольских. В письме от 28 июля 1706 г. ** в Польшу к Меншикову Петр наказывает ему подлинно проведать о всем, а паче о короле Польском. «Хотя и ведаю, — продолжает царь, — что вы о том равное попечение имеете, однакож вспоминать часто не хуже, о чем и святой Петр не стыдился писать к веровавшим» — слова, показывающие знакомство Петра В<еликого> с посланиями апостола Петра. К текстам Св. Писания прибегает Петр в письмах, в которых хочет выразить овладевшее им горе. «Письмо твое, — пишет он Екатерине 11 янв. 1716 г. в ответ на сообщение о смерти царевича Павла Петровича, — получил [о чем уже прежде уведal] о незапном случае, которой радость в печаль пременял. Но что ж могу на то ответство дать? токмо с многострадальным Иевом: Господь даде, Господь і възят; якоже же годе ему, тако і бысть. Буди имя Господне благославленно отныне і до века» ***.

Есть в письмах Петра В<еликого> строки, свидетельствующие о его знакомстве с классической мифологией, и он щеголяет ее подробностями. Так, в письмах к адмиралу Головину из Курляндии государь, сожалея о том, что шведский генерал Левенга-

* П<исьма> и б<умаги...>. Т. VI. № 1904.

** Там же. Т. IV. № 1296.

*** Письма русских государей. Изд. Комисс<ии> печат<ных> грамот и догов<оров>. Переписка с Екатериной. № 61.

упт отступает и уклоняется от сражения, сравнивает его отступление с уклонением равнодушного красавца Нарцисса³ от любви горной нимфы Эхо⁴, которая от этой безнадежной любви настолько высохла, что от нее остался только один голос. «Мы здесь великое несчастье имеем, — пишет царь, — понеже господин Лейнгопт, яко Нарциц от Еха, от нас удаляетца» *. В официальных письмах с известием о Полтавской победе Петр участь шведской армии уподобляет участи Фаэтона, сына Гелиоса-солнца, который задумал на отцовской огненной колеснице совершить путь по небесному своду, но не справился с колесницей, чуть было не причинил всемирного пожара и стремглав упал с небес, пораженный молнией Зевса, усмотревшего опасность для вселенной от дерзкой затеи неопытного юноши. «И единым словом сказать, — заключает Петр В<еликий> свой рассказ о гибели шведов, — вся неприятельская армия Фаэтонов конец восприяла» **. В письме к Меншикову от 4 июля 1703 г. из-под Дерпта встречаем метафору, взятую из астрономии и показывающую знание Коперниковой системы. Приехав под Дерпт, Петр остался недоволен предпринятыми осадными работами. «Все негодно, — с горечью сообщает государь Меншикову, — и туне людей мучили. Когда я спрашиваю их: для чего так? то друг на друга, а больше на первого» (на Б. П. Шереметева складывали ответственность). Осадные сооружения возведены слишком далеко от города: «Ибо здешние господа зело себя берегут, уже кажется и над меру... Но я, — продолжает государь, — принужден сию их Сатурнусову дальность в Меркуриусов круг подвинуть» ***. Вовремя и кстати приведет Петр в тексте письма подходящую русскую поговорку, которая хорошо подчеркивает высказанную им мысль. «Прусскому (посланнику) ответить, — распоряжается он в письме к Ф. А. Головину из Митавы, — понеже он желает, когда мы возьмем, чтобы отдали; но у меня на сие старое слово: что, не убив медведя, отнюдь кожи сулить не надлежит» ****. Предложение прусского посланника Кейзерлинга⁵ заключалось в том, чтобы Курляндию по изгнании из нее шведов отдать под управление прусскому королю. Особенно пестрят поговорками письма Петра к Екатерине. «Понеже поговорка есть, — читаем в письме от 25 дек. 1712 г. из заграницы, — два

* П<исьма> и б<умаги...>. № 879. 10 авг. 1705 г.

** Сб<орник> И<мператорского> Р<усского> и <сторического> о<бщества>. Т. XI. С. 88—89.

*** П<исьма> и б<умаги...>. Т. III. № 673.

**** Там же. № 887.

медведя в одной берлоге не уживутца — возьми с собою князь-папу». Взять князь-папу с собою в поездку, о которой идет речь в письме, Екатерина должна, видимо, для того, чтобы предупредить его ссору с кем-то, с кем он не уживается *. Сообщая Екатерине от 29 янв. 1716 г. из Нарвы о плохом состоянии здоровья в пути, из-за чего он был уже готов отказаться от поездки, он успокаивает ее, однако, известием о наступившем затем улучшении; «но вчерашнего дня, как поехал, то час от часу, слава Богу, лутче стала. I что слышал в диѳрагмени месте **, то в пути меньше стала, отчего осмелился i ночью ехать, но i то безвредно было так, как преж сего. Итак теперь сбывлась пословица, что обыкновение — другая природа». Петр хочет сказать, что он так привык к поездкам, что ему во время путешествия не вредят и болезни. «Дай Боже милость свою... чтоб с добром возвратитца по старой пословице: хотя не скоро, да здорова», — пишет царь Екатерине 11 авг. 1718 г. из Гангута, уведомляя ее о своем выезде к ней, но выражая при этом опасение, что может запоздать к разрешению ее от бремени ***. В одном из писем к Екатерине Петр приводит даже голландскую пословицу, предупредительно написанную русскими буквами. «После ваших писем, что непъриятели намерились отаковать, по ся поры ничего нет поновъки (нового); знать у них тверда голанская пословица: тюсхен дут эн зеге — ѳюль гого берге леге» ****.

Если случится, Петр прибегает к образному выражению, не заботясь при этом о красоте образа и не обнаруживая особого вкуса в выборе сравнений. «Объявляю вам, — радостно пишет он Екатерине от 14 июня 1710 г., — что вчерашнего дня город Выборх здался i сею доброю ведомостию [что уже крепъкая падушка Санкт-Питербурху устроена через помощь Божию] вам поздравляю» *****. Сравнение Выборга с подушкой для Петербурга едва ли можно найти особенно удачным: оно все же требует пояснения. О битве при Добром 29 авг. 1708 г. Петр известил Екатерину в следующих образных выражениях: «Правда, что я как стал служить такой игърушки не видал; аднакож сей танец

* Письма русских государей. Переписка с Екатериной. № 44.

** Письма к Ектерине. № 62. *Диѳрагма* — поперечная перепонка, отделяющая сердце и легкое от прочих внутренностей. Петр пускает в ход свои сведения по анатомии.

*** Там же. № 112.

**** Там же. № 37. «Между смертью и победой лежит много высоких гор».

***** Переписка с Екатериной. № 20.

в очах горячего Карлуса изрядно станцовали; аднакож более въсех попотел наш полк» *. Разлад между участниками Северного союза, бывший причиной их неэнергичных действий против шведов, царь в одном из писем обозначил сравнением этого союза с экипажем, запряженным несъезженными конями разного возраста: «О здешнем объявляем, что балтаемся туне; ибо что маладые лошади в карете, так наши соединенные, а наипаче каренные: сволучь хотят, да каренные ни думают» **. Нередко под перо просится острота; при этом, если Петр пишет в хорошем настроении духа, блёстки его остроумия согреты теплотой добродушного юмора, какого особенно много в переписке его с Екатериной. Уведомляя ее в сентябре 1711 г. о своем приезде в Карлсбад для лечения водами, царь пишет: «Мы сюды доехали, слава Богу, здорова і завътра начнем лечитца. Место здешнее так весело, что мочно чесною тюрмою назвать, понеже между таких гор сидит, что солнца почитай не видеть; всего пуще, что доброва пива нет» ***. Об ответном визите семилетнего французского короля Людовика XV, которого Петр при свиданиях с ним поднимал на руки, он сообщил Екатерине в письме от 2 мая 1717 г. из Парижа: «Объявляю вам, что в прошлой понедельник визитовал меня здешней каралища, которой палца на два более Луки нашева (карлика), дитя зело изрядная образом і станом; і по возрасту своему доволно разумен, которому седмь лет» ****. В письме к царице от 11 окт. 1718 г. Петр поздравляет ее с годовщиною взятия города Шлиссельбурга, острит по этому поводу над шведским происхождением Екатерины (из Лифляндии) и, играя словами (Schlüssel — ключ), остроумно намекает на значение взятия Шлиссельбурга в ходе войны. «Поздравляю вам сим счастливым днем, в котором руская нога в ваших землях ѳут взяла... и сим ключем много замков отперто» *****. В упомянутом уже письме от 27 июня 1709 г. с сообщением о Полтавской победе Петр остроумно выразился о шведском короле, судьба которого после битвы была еще в русском лагере неизвестна: «А о короле еще не может ведать, с нами ль или с отцы нашими обретається» 6*. В письмо к Меншикову от 26 апр. 1703 г. Петр

* Там же. № 9.

** Там же. № 72. 13 июля 1716 г., г. Борнгольм.

*** Письма к Екатерине. № 23. Ср. № 36.

**** Там же. № 95.

***** Письма к Екатерине. № 119.

6* Сб<орник> И<мператорского> Р<усского> и<сторического> о<бщества>. Т. XI. С. 18.

вложил письмо к П. М. Апраксину, которого он шутя называет воеводой. «Письмо вложенное, — пишет царь Меншикову, — изволь послать до его милости воеводы; а храбрость его по бегу видна» *.

Если письмо Петра выходит из-под его пера в те моменты, когда он чем-нибудь недоволен и расстроен, его остроумие разражается горечью злой иронии и жестокой шуткой. Нетрудно представить себе, какое недовольство должна была возбудить в государе неисправность и задержка в доставке артиллерии к берегам Невы в начале 1703 г., когда он собирался продолжать там так удачно начатые взятием Шлиссельбурга военные действия. «Sir, — жалуется царь в письме из Шлиссельбурга в Москву к Ф. Ю. Ромодановскому, — известую, что здесь великая недовоска алтиллери есть... самых нужных не довезено 3033 бомбов трехпудовых, трубок 7978, дроби і 0титлю ни 0унта, лопаток и кирок железных самое малое число, а паче всего мастера, которой зашрублеват (sic) запалы у пушек, по сей час не прислан, от чего прошлоготские пушъки ни одна в паход негодна будет, от чего нам здесь великая остан0вка делу нашему будет без чего і починать нелзя. О чем я сам многажды говорил Винуису, которой отпоччивал меня Московъским тотчасом. О чем изволь ево допросить: для чего так делается такое главъное дело с таким небрежением, которое тысячи ево головы дороже». Излив свой гнев по поводу недосылки артиллерии в выражениях, не предвещавших голове медлительного Винуиса ничего доброго, подписав письмо и снабдив его датой, Петр спохватился, чтобы указать еще на одно упущение, о котором он и говорит в приписке: «Из опътеки ни золотника лекарст0 не прислана». Далее следует жесткая игра словами: «Того для принуждены будем мы тех лечить, которые то презирают» **. В том же роде острота в письме от 3 авг. 1707 г. к А. В. Кикину из Варшавы: «Щербаку і Астровскому скажи, что они ко мне не пишут о моем дворе, а паче о огороде, за то ім сам привезу по ка0тану стеганаму доброму» ***. Письмо это вообще полно укоризн и упреков за разные неисправности. Раздражительность Петра, так заметная в этом письме, может быть, объясняется не только неприятными известиями и отсутствием известий, но и болезненным состоянием, жестокой лихорадкой, от которой страдал государь в 1707 г. в Варшаве. «Писал ты к Макарову, — читаем далее в этом же

* П<исьма> и б<умаги...>. Т. II. № 513. Ср. № 514.

** Там же. № 500.

*** Там же. Т. VI. № 1886.

письме, — что Федосей (Скляев) был за несколько минут до смерти; і сие едваль не зговорясь мы учинили; ибо і я толко ѳутоѳ за пять был до смерти: в сам Ільин день уже і людей не знал, і не знаю, как Бог паки велел жить: такая была жестокая ѳибра, от которой теперва еще вполы в себя не могу притить!» Слова относительно Щербака и Островского «привезу по каѳтану стеганому доброму», как совершенно правильно замечает издатель писем, «надо понимать иносказательно: будут подвергнуты телесному наказанию». Игра словами — нередкая форма, в которую выливается остроумие Петра в письмах. «Правда, что зело жéсток сей орех был, однакож, слава Богу, счастливо разгрызен», — так извещал Петр Виниуса о взятии города Нотебурга, старинного новгородского пригорода Орешка. Нотебург был переименован Петром в Шлиссельбург, и это название, как мы видели, подавало также повод к островам, к сравнению города с ключом, отпирающим многие замки. Оканчивая лечение водами в Пирмонте, Петр пишет Екатерине от 11 июня 1716 г.: «Надеюсь, Богу изволшу, дней в десять вас видеть; ибо по трех днях кур (cur = лечение) или петух наш окончается» *. 14 авг. 1704 г. о взятии Нарвы Петр сообщает А. В. Кикину таким письмом: «Her Hrotvader. Інова не могу писать, толко что *Нарву*, которую 4 года *нарывала*, ныне, слава Богу, *прорвало*, о чем пространнее скажу сам. Piter» **.

III

Содержание деловой переписки Петра до крайности разнообразно, и обозреть его в небольшой статье по какой-либо системе нет возможности. В письмах оставила следы вся кипучая, неутомимая, разносторонняя деятельность государя. Военные распоряжения, движение войск на театре военных действий, организация военных сил, комплектование и вооружение войска, постройка кораблей, дипломатические сношения, все стороны внутреннего управления, — словом, все, что занимало мысль Петра в тот или другой момент его жизни, непременно нашло себе отражение в его необъятной переписке. Читая его письма, начинаешь понимать, до какой степени все управление при нем было личным, каким руководящим началом была его мысль, какую громадную и неистощимую движущую силой была его

* Письма к Екатерине. № 69.

** <пропуск>.

воля, каким возбуждающим средством была его энергия. Его письма, летевшие от него в разных направлениях, как бы от центра по радиусам, были проводниками его мысли и воли. Я беру для примера один день в жизни Петра — 6 июля 1707 г. — тот день, на который приходится максимальное количество отправленных им писем из всех дней 1707 г. Исследуем переписку за этот день; это исследование покажет нам разнообразие содержания писем и широту круга лиц, которых они касаются. Собираясь в этот день покинуть Люблин*, где он тогда находился, и отправиться в Варшаву, Петр ответил на последнюю полученную в Люблине корреспонденцию. Им были получены письма от Курбатова, К. А. Нарышкина, кн. Ф. Ю. Ромодановского и Б. П. Шереметева. А. А. Курбатов, опер-инспектор московской ратуши, ходатайствовал перед государем о распоряжении, чтобы в Ратушу были внесены причитающиеся ей деньги из приказов адмиралтейского, поместного и сибирского, а сверх того просил указаний по поводу перечеканки монеты. Письмо Курбатова вызвало четыре письма от Петра в Москву: к стольнику Гр. А. Племянникову⁶, одному из членов адмиралтейского приказа, к думному дьяку Автоному Иванову⁷, заведывавшему поместным приказом, и к кн. М. П. Гагарину, начальнику сибирского приказа, ко всем трем о взносе в ратушу следующих ей денег и о счете с ней и, наконец, к самому Курбатову с уведомлением об этих сделанных по его просьбе распоряжениях и с указанием относительно перечеканки медной монеты и ефимков.

Письмо из Пскова от Кирилла Алексеевича Нарышкина, дерптского коменданта, заключало в себе несколько предметов. Нарышкин доносил о рекогносцировке, предпринятой из Дерпта «для поиску над неприятельскими людьми», и о том, что разведочный русский отряд встретился с разведочным же неприятельским отрядом и разбил его. Далее он сообщал о выезде в Дерпт шведского капитана и драгунского урядника и уведомлял государя об исполнении его повеления о высылке дерптских жителей-шведов в Москву. Этих известий Нарышкина Петр не коснулся в своем ответе. Но затем шли дела, видимо, очень тревожившие дерптского коменданта и вызвавшие ответ государя. Комендант жаловался на недостаток контингента в одном из подчиненных ему полков — Мурзенковом; он обращался за рекрутами согласно прежнему повелению государя к Т. Н. Стрешневу,

* Журнал, или Поденная записка. Изд. Щербатовым. Т. I. С. 160. Ср.: П<исьма> и б<умаги...>. Т. VI. № 1860, 1861, 1867.

но тот рекрут не прислал. Петр отвечает, что послал Т. Н. Стрешневу новый указ. Нарышкин пишет далее, что кн. М. П. Гагарин, которому велено было прислать безденежно ружья для псковских драгун и для Мурзенкова полка, безденежно ружей не присылает, просит за них денег, а денег взять неоткуда. Петр успокаивает коменданта сообщением, что к кн. Гагарину также посылается новый указ. Следует в письме Нарышкина жалоба на псковского провиантмейстера, не выдающего на 1707 г. окладного хлебного жалованья трем дерптским солдатским полкам. Петр предписывает в ответе с выдачей хлебного жалованья повременить. Следующий пункт письма Нарышкина — сообщение о состоянии сооружавшейся засечной линии, которая еще не окончена. Нарышкин спрашивает, кому за этим делом наблюдать. Петр отвечает приказанием линию, где попорчена, чинить, щадя, однако, силы местного крестьянского населения, «усматривая, чтоб трудности людям не было, понеже ныне людям не без труда есть, первое, что деловая пора, другое и то не малое дело, что на Луках крепость делают». Особого наблюдателя за этими работами государь, однако, не назначил. Нарышкина затрудняла путаница, происшедшая в назначении командира солдатского Митчелева полка, находившегося в его округе. Кн. А. Д. Меншиков назначил командиром в этот полк Вилима фон Фенихбира; но он не прибыл, а вместо него Б. П. Шереметев прислал в командиры другого иноземца полковника Бокана. «И о сем, Ваше Величество, — спрашивает Нарышкин, — что укажешь?» Петр сообщил, что вместо Митчелева полка дерптскому коменданту будет прислан другой полк. Наконец, Нарышкин сообщал об измене сержанта Смольянинова, который пытался отъехать к неприятелю, но пойман и с пыток повинился, что действительно хотел отъехать в Ревель. Петр отвечает: «Сержанту Смольянинову... учинить то, чего он достоин».

Перечисленными предметами исчерпывается содержание письма К. А. Нарышкина, но не исчерпывается содержание ответа Петра. Государь касается еще одного дела, о котором, вероятно, шла речь в предыдущем письме Нарышкина: делает распоряжение об отдаче под суд майора Гревса и артиллерийских поручиков, которые оказались в чем-то виновны, и сообщает, что для управления артиллерией, пока эти офицеры будут под судом, в Дерпт будет прислан поручик из Нарвы. Но и этим письмо Петра еще не кончилось. Он заключает его распоряжением об устройстве подкопов под дерптской крепостью. «При сем еще в запас объявляю, — пишет он, — что под болварками всеми в Дерпте, а наипаче под теми, где сии слова А. В. на черте-

же поставлены, сделать подкопы, дабы в нужное время возможно сию orteцью подорвать, а наипаче под вышеписанными двумя так крепко сделать, чтоб с фундаменту разорило; а под новой, чаю, не надобно подкопа, понеже деревяной: мочно зжечь, однако в запас сделать; для которого дела посылаетца к вам подкопщик. Однако ж сие дело надлежит тайно делать, а наипаче от жителей тамошних. Также и пороху во оные до указа не класть». По поводу письма К. А. Нарышкина Петр, кроме обширного ответа ему, отправил еще письма: в Москву Т. Н. Стрешневу с энергичным подтверждением о немедленной отправке рекрут в Мурзенков полк *, затем в Петербург к Ф. М. Апраксину о высылке из Нарвы в Дерпт одного поручика для управления дерптской артиллерией и в Минск к кн. А. И. Репнину о высылке в Дерпт подкопщика. Кроме того, в упомянутом уже ранее письме от того же 6 июля к кн. М. П. Гагарину наряду с распоряжением о взносе денег из сибирского приказа в Ратушу было включено и распоряжение о безденежной высылке ружей к дерптскому коменданту Нарышкину **.

В отправленном в тот же день, 6 июля, ответе на письмо кн. Ф. Ю. Ромодановского от 20 июня Петр подтверждает свое прежнее распоряжение по делу об участниках астраханского бунта, розыском о которых был занят Ромодановский, и предписывает передать другое политическое дело: о соучастниках Анны Ивановны Монс, обвинявшейся в то время в колдовстве и в привораживании к себе Петра, на решение общего совета бояр. Кроме этих двух предписаний Петр приказывал еще князю в том же письме прислать к нему в находившийся при нем в Польше Преображенский полк *** полкового писаря, выбрав для того из подъячих доброго и заобычайного человека.

Б. П. Шереметеву, стоявшему тогда в г. Остроге, Петр в рассматриваемый день, 6 июля, отправил два письма. В них он отвечал на вопросы, затронутые в письме Шереметева к нему от 27 июня. Шереметев доносил о сборе контрибуции с вотчин князей Вишневецких. Петр заметил по этому поводу в своем ответе: «Для Бога в контрибуции не омедливай по указу». Фельдмаршал просил далее позволения взять молодых людей «недорослей Преображенской и Семеновской лейб-гвардии» для назначения их на места подпоручиков в подчиненные ему полки. Петр пре-

* П<исьма> и б<умаги...>. Т. VI. № 1859.

** Там же. № 1855, 1859, 1850, 1857, 1851. — Письмо К. А. Нарышкина см.: П<исьма> и б<умаги...>. Т. V. С. 511—513.

*** Журнал, или Поденная записка. Т. I. С. 161.

доставляет ему выбрать требуемых офицеров из урядников и недорослей Семеновского полка, прибавляя при этом: «А из Преображенскова сам выберу». В письме Шереметева содержалась еще просьба: он ходатайствовал о назначении к нему переводчика для перевода с немецкого языка документов, поступающих в его главную квартиру. Петр предлагает ему обратиться за переводчиком в Москву в военный приказ; при нем, в царской главной квартире, такового не имеется. Кроме этих ответов на донесение и просьбы Шереметева государь в одном из писем от 6 июля, предупреждая фельдмаршала о предстоящем походе в Литву, дает ему предписание принять меры к устройству подвоза припасов русским войскам по новому направлению, именно не через Киев, как возили раньше, а через Смоленск, Слуцк или Минск. Почтовые сношения должны производиться еще по прежнему направлению до тех пор, пока сам Шереметев двинется с места*.

Последнее письмо, написанное Петром 6 июля 1707 г., переносит нас в другую область, в землю донских казаков; это письмо к князю Юрию Владимировичу Долгорукому, находившемуся в Троицкой крепости (в Таганроге). Долгорукому Петр писал о высылке с Дона нашедших себе там приют и укрывающихся беглых посадских и крестьян. Этих беглецов царь приказывает переписать и выслать с провожатыми по-прежнему в те города и места, откуда кто бежал; если найдутся между ними преступники, воры и забойцы — таковых отослать под караулом в Москву или в Азов. Долгорукому поручалось далее произвести расследование о притеснениях, причиненных полковнику и жителям Изюмского полка бахмутским станичным атаманом Булавиным⁸, разорившим у изюмцев солеваренные заводы, из-за которых у бахмутцев шли с изюмцами споры, а также о сопротивлении, оказанном бахмутцами дьяку Горчакову, посланному из Воронежа досматривать и описывать эти спорные места. Произведя это расследование, Долгорукий должен был позаботиться о размежевании спорных угодий между враждующими донцами и жителями Изюма**.

Итак, 6 июля 1707 г. Петр в своей переписке как бы окинул взором громадное пространство. Он писал в Москву, в Дерпт, в польскую Украину, в Донскую область. Он коснулся в отправленных письмах по меньшей мере 20 дел. Приведем еще раз их

* П<исьма> и б<умаги...>. Т. VI. № 1860, 1861. — Письмо Шереметева см.: Там же. С. 233—234.

** Там же. № 1852.

перечень. В круг этих дел вошли: уплата в московскую ратушу причитающихся ей сумм из приказов адмиралтейского, сибирского и поместного; перечеканка монеты; комплектование рекрутами стоявшего в Дерпте Мурзенкова полка; снабжение этого полка и драгунского псковского оружием; выдача хлебного провианта трем дерптским солдатским полкам; сооружение оборонительной линии в дерптском обер-комендантстве; перевод Митчелева полка в другой округ; предание суду изменника и совершивших проступки офицеров; назначение командира дерптской артиллерии; устройство подкопов под дерптскими укреплениями; политические розыски по делу астраханских мятежников и по делу Монс; присылка в Преображенский полк полкового писаря; пополнение офицерами полков в армии Шереметева; посылка к Шереметеву переводчика; контрибуция, собираемая Шереметевым с вотчин в местностях расположения его армии; новое направление подвоза припасов к русским в Польше; высылка из Донской области беглых посадских и крестьян; расследование конфликта между донскими казаками-бахмутцами и жителями Изюмского полка и размежевание между ними спорных угодий. Вот перечень, который, несомненно, уже утомил читателя, устало скользящего по нему взором. Но вся перечисленная в нем масса дел едва ли утомила Петра! А между тем, каким упорным трудолюбием надо было обладать, чтобы решить, не откладывая, все эти вопросы, какую огромную память надо было иметь, чтобы в них отчетливо разобраться, чтобы припомнить каждый из попавших в полосу его внимания предметов со всеми его конкретными и мелочными подробностями, какое присутствие духа, чтобы не только не растеряться в этом кипучем водовороте донесений, жалоб и просьб, но и дать каждому твердое руководящее указание! Как хорошо надо было знать то множество лиц, с которыми приходилось иметь ежедневно сношения, притом знать их не с внешней стороны только, но и изучить внутренние свойства и особенности каждого, чтобы, обращаясь к одному — подкрепить даваемое ему указание ласковой просьбой, адресуясь к другому — прибегнуть к угрозе, а к третьему — написать деловое письмо в шутилом тоне. И такую работу приходилось вести изо дня в день, иногда неоднократно и настойчиво возвращаясь к одному и тому же делу, чтобы тем вернее и надежнее достигнуть его исполнения. 6 июля 1707 г., перед отъездом из Люблина в Варшаву, Петр, как мы видели, писал Шереметеву о новой организации сообщения находившейся в польских землях русской армии с Москвою. 14-го из Варшавы царь вновь пишет Шереметеву о том же предмете, тре-

буя дать ответ, как исполнено дело. Точно так же он возвращается и к вопросу о сборе контрибуции. В письме от 6 июля он пишет: «Для Бога в контрибуции не омедливай по указу». Письмо от 14 июля он заключает словами: «А паче всего изволь трудитца в выбирании контрибуции» *. Царь хорошо знает, что такое повторение не будет лишним.

IV

В 1707 г., о котором идет речь, Петр ведет все управление лично, потому что он действует один. Нет учреждений, которые разгружали бы это бремя личного управления и освобождали бы государя от мелочей и подробностей, оставляя за ним только руководящие идеи и направления. В Москве остается министерская консилия — бесформенная и невлиятельная тень прежней Боярской думы — и клонящиеся к разрушению, чтобы уступить место губерниям, приказы. Петр ведет переписку с лицами, а не с учреждениями. Но недостаток учреждений дает себя знать, и вот в 1711 г. «для всегдашних отлучек наших» создается правительствующий сенат, который должен работать самостоятельно, действуя от имени государя, должен даже совсем заменять отсутствующего государя. Однако управление и тогда не перестает быть личным. С возникновением сената в переписке Петра Великого стало одним корреспондентом больше. С 1711 г. открывается новый и обширный отдел этой переписки: многочисленные, также по обыкновению краткие и сжатые, письма-указы, начинающиеся обращением «господа-сенат» и касающиеся множества всевозможных крупных и мелких предметов. С учреждением Сената не прекратилась непосредственная переписка Петра и с теми лицами, которые были подчинены Сенату и получали от него указы.

Ум Петра Великого отличался не только способностью овладеть сразу множеством разнообразных предметов и не теряться среди этого множества; его отличительной особенностью была также способность одновременно и с одинаковым интересом охватывать предметы совершенно различных калибров. Его мысль могла работать над важнейшими вопросами внешних отношений, над планом военных действий, над крупными вопросами администрации и т. д. и в то же время с одинаковой ясностью касаться каких-нибудь самых последних мелочей. В его

* П<исьма> и б<умаги...>. Т. VI. № 1867.

памяти одновременно совмещались крупные и мелкие вещи, и первые несколько не подавляли и не оттесняли собою вторых. Хорошо известно, что Петр не был вовсе отвлеченным мыслителем. Общие понятия и отвлеченные идеи ему не давались. Его мышление не совершало тех отвлеченных операций обобщения, восхождения от частных к общему, схематизации, которые помогают нам овладевать множеством предметов посредством немногих категорий. Его мышление было конкретным; оно работало над конкретными представлениями, не обобщая их, не возводя в общие понятия и не размещая в стройные схемы. Сочетание крупных предметов с мелочами в переписке Петра — одна из наиболее поразительных черт этой переписки. Она уже достаточно заметна и в разобранных выше письмах от 6 июля 1707 г. Но приведем все-таки еще несколько примеров. В письме от 8 февр. 1706 г. кн. А. В. Кикину, который был послан в Митаву для наблюдения за действиями стоявшего в Риге Левенгаупта, Петр отдает подробные распоряжения о подкопах под Митавским замком, которые надо взорвать в случае оставления Митавы, сообщает о возможных движениях главной шведской армии, предостерегает против опасности быть отрезанным этой армией, предписывает перевезти медную артиллерию к Полоцку или Пскову. «В протчем, — заканчивает он это полное тревожного ожидания письмо, — чините по прежъним указом і смотрите і делайте прилежно, что возможно, в чем Господь Бог помощи вам». Но уже подписав письмо, несмотря на тревогу, навеянную мыслью о серьезных последствиях предстоящего движения главной шведской армии, Петр делает еще приписку: «Садовъника, которой был в Питербурхе, найми на год» *. К тому же Кикину Петр пишет 30 апр. 1710 г. о приостановке движения пехотных полков под Выборг и о снабжении хлебом Котлина острова. А между этими распоряжениями читаем: «Также со двора Лариона Думашева к невестке моей царице вели отпустить несколько возов сена» **. 26 июля 1707 г. царь, находясь в Варшаве, отправляет письмо к коронному великому гетману Адаму Сенявскому в ответ на его письма с известиями о притеснениях, чинимых находящимися в Польше русскими войсками местным жителям и предлагает учредить для наблюдения за поведением войск смешанную русско-польскую комиссию. В тот же день он пишет голландскому купцу Ив. Люпсу о том, чтоб

* П<исьма> и б<умаги...>. Т. IV. № 1072.

** Сб<орник> И<мператорского> Р<усского> и <сторического> о<бщества>. Т. XI. С. 19.

доставил в Петербург хороших анчоусов, оливок и сельдей по бочке, а также чтоб выслать туде же фонтанного мастера *. Царь сам делает распоряжения о найме хлебника и о выучке его печь крендели, рассуждая при том, как это сделать лучше и дешевле. «Говорил я Готовцову, — пишет он к генералу Вейде от 21 сент. 1717 г., — чтоб нанять калашника, которой крендели делает, но ныне лутче рассуждаю, чтоб из салдат или из неслужащих, или хотя и из людей офицерских детину доброва из хлебников или из харчевников оставить, чтоб выучился. Сие будет лутче и дешевле» **. В указе из Сум к московскому коменданту кн. М. П. Гагарину от 28 дек. 1708 г. Петр распоряжается о рассылке шведских пленных из Можайска по монастырям и затем прибавляет: «Книги французской, которую переводит Борис Волков, о кавалерах *** фигуры возми и отдай вырезать Блекланту. Буде же ее у Волкова нет, то спросить у Михаила Шафирова». В изгибах его памяти хранится сведение, как надо разыскать вещь, у кого ее спросить, если она не окажется там, где он ее указывает: если нет у Волкова, надо спросить у Шафирова. Подписав письмо, Петр делает еще *postscriptum*: «Подлинную книгу ту, которую вам отдал Ознобишин, пришли сюды» ****. 25 янв. 1709 г. оттуда же из Сум Петр шлет тому же Гагарину приказ какую-то книгу, которую переводит Головкин, напечатать амстердамским шрифтом и при этом указывает, каким именно: «Амстердамскою среднею печатью, которою напечатана кумплементальная книжка». Следовательно, надо было припомнить о кумплементальной книжке и о шрифте, которым она была напечатана *****. В письме к нему же от 4 янв. 1709 г. царь пишет: «У господина Филатьева возми препорциниальной цыркуль и пришли сюды. Также купи простых цыркулей десятка два или три и пришли сюды, купно с медными перышками, которыми рисуют». Заботу о присылке цыркулей и медных перышек можно было бы поручить кому-либо другому, но Петр не полагается на людей и, как хороший, рачительный хозяин, все хочет делать сам или, по крайней мере, смотреть за всеми мелочами своего хозяйства своим глазом — «понеже, — как выразился он в од-

* П<исьма> и б<умаги...>. Т. VI. № 1876, 1874.

** Сб<орник> И<мператорского> Р<усского> и <сторического> о<бщества>. Т. XI. С. 55.

*** «История о ординах ілі чинах воинских паче же кавалерских».

**** Сб<орник> И<мператорского> Р<усского> и <сторического> о<бщества>. Т. XI. С. 119—120.

***** Там же. С. 122.

ном из указов, — за глазами много диковинок бывает», т. е. много самых неприятных сюрпризов, если не присмотреть за всем самому. В письме от 9 авг. 1709 г. к тому же московскому коменданту из Киева он заказывает ему «зделать одеяло теплое лисье черевье и покрыть какою-нибудь легкою парчею, только без золота» *. В 1710 г. предписывает ему купить на Москве и прислать немедленно материи золотой доброй по белой или по алой земле на юбку племяннице Анне Ивановне по случаю предстоящего бракосочетания ее с герцогом курляндским **, а собираясь провести святки 1709—1710 г. в Москве, пишет московскому коменданту: «Для житья нашего в Коломенском вели приготовить избушки две или три, в которых бы тараканов не было» ***.

V

В письмах Петра не только отображается внешнее формальное свойство его ума: его способность овладевать крупными явлениями одновременно с тысячей мельчайших подробностей и представлять себе каждую из этих подробностей до последней степени отчетливо и ясно, но становятся видны и внутренние черты его духовной природы: преобладавшие у него идеи и воодушевлявшие его чувства. Мы постигаем суть его мирозерцания. Мы начинаем видеть, как у него дело, которое его занимает, господствует над чувствами, его волнующими, как у него *общее* дело преобладает над личными и частными интересами. Нельзя сказать, чтоб Петр не умел глубоко чувствовать; но свое чувство он заглушает, весь отдаваясь занимающему его делу. Известие о смерти любимой матери, скончавшейся 25 января 1694 г., которое он сообщает в Архангельск Ф. М. Апраксину, полно глубокой скорби. «Федор Матвеевич. Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не может, купно же и сердце». В этих словах много печали; они звучат как комья земли, бросаемые на крышку только что опущенного в могилу гроба. Петр готов перенести постигнутую его беду, покоряясь воле Божьей. «Обаче, — продолжает он письмо к Апраксину, — вспоминая апостола Павла: яко не скорбети о таковых и Ездры: еже не возвратити день, иже мимо

* Там же. С. 124.

** Там же. С. 141.

*** Там же. С. 130.

иде — сия вся, елико возможно, аще и выше ума и живота моего [о чем и сам подлинно ведал], еще поелику возможно, рассуждаю, яко всемогущему Богу и вся по воле своей творящу. Аминь». Но затем тотчас же в этом письме Петр обращается к делу, в то время его более всего занимавшему, к сооружению и снаряжению кораблей в Архангельске для экспедиции по Белому морю. Сам он не может еще выехать туда из Москвы, но пишет Апраксину о мельчайших подробностях этого дела. «По сих, яко Ной, от беды мало отдохнув и о невозвратном оставя, о живом пишу. Понеже по обещанию моему, паче же от безмерной печали, незапно zde присетити хощу и того для имам некие нужды, которые пишу ниже сего: 1) Посылаю Никласа да Яна для строения малого корабля и чтоб им лес и железо, и все к тому было вскоре готово, понеже рано приехать имеем; 2) полтора ста шапок собачьих и столько же башмаков разных мер сделать, о чем в готовности не сомневаюсь. И желаю от Бога купно здравия компании вашей» *. Всего на четвертый день после смерти матери — письмо помечено 29 января — еще под тяжестью понесенной утраты, он уже может писать о собачьих шапках и башмаках!

Петр не чужд способности отозваться и на чужое горе и обратиться к горюющему человеку со словом утешения; но это слово утешения он скажет среди многих других безразличных слов, среди распоряжений о делах, о которых он думает и которыми должен заниматься тот, к кому он обращается. В 1702 г. у Ф. М. Апраксина умерла жена. Петр пишет ему от 21 октября 1702 г., отдает в письме распоряжения о кораблях, о плотниках и о других предметах. И только в заключении письма находятся следующие дышащие искренним сочувствием строки: «Пожалуй, государь Федор Матвеевич, не сокруши себя в такой своей печали; уповай на Бога. Что же делать? И здесь такие печали живут (бывают), что жены мрут и стригутца» **. 10 сентября 1705 г. Петр уведомляет только что похоронившего мать Ф. А. Головина о своем согласии на принятые им меры, а затем прибавляет: «Слышу, что вы зело печальны о смерти материной. Для Бога, извольте рассудить, понеже человек старой i весьма давно болной *** был».

* П<исьма> и б<умаги...>. Т. I. № 21.

** Там же. Т. II. № 468.

*** Там же. Т. III. № 920. Ср.: Т. IV. № 1362 к Г. И. Головкину 22 сент. 1706 г.: «А о матери не изволь печалитца [ибо и моя тетка так же определилась]; а как бы моя мать в таких летах умерла, истинно б не точию печален, но и благодарен был, что Бог таких лет допустил».

Общее государственное дело должно было быть для каждого на первом плане; перед ним должны отступить все частные расчеты и замолкнуть все личные чувства. В инструкции князю Вас. Влад. Долгорукому о скорейшем выступлении в поход для действий против Булавина предписывается ему постоянно сноситься с Толстым, находящимся в Азове. К инструкции Петр делает собственноручную приписку: «Такоже и сие напоминаю вам, что хотя вы с вышереченным Толстым имеете некоторую противность, однако же для сея причины надлежит оное отставить, дабы в деле помешки не было» *. На себя Петр смотрит как на первого служащего этому общему государственному делу и не раз в письмах он прямо говорит о своей службе. Так, описывая Екатерине сражение при Добром, он употребляет выражение: «*Как стал служить*, такой игрушки не видал» **. Сообщая Ф. М. Апраксину 10 мая 1703 г. о победе над шведскими судами в устье Невы, Петр пишет: «Хотя и недостойны, однакож от господ фельдмаршала и адмирала мы с господином порутчиком *** учинены кавалерами святого Андрея» ****. 19 марта 1707 г. в письме к Кикину из Лемберга Петр делает приписку: «Також прошу из Нарвы денги мои прислать; також у господина адмирала изходатайствовать *заслуженное жалованье* і прислать» *****. От 13 февр. 1704 г. сохранилась ассигновка на выдачу жалованья морским чинам, и в ней под словами: «Корабелному мастеру Петру Михайлову триста шездесят шесть рублей» находится собственноручная расписка: «Принел і росписался» 6*.

Живую и неподдельную радость возбуждает в Петре замеченное им в ком-нибудь искреннее намерение служить государственному делу. Узнав о желании Конона Никитича Зотова⁹, сына своего учителя Никиты Моисеевича, добровольно поступить на службу во флот, чтобы научиться морскому делу, Петр не может удержаться, чтобы не написать молодому человеку несколько строк, хорошо отражающих его настроение в тот момент, когда писалось это письмо: «Вчерашнего дня я видел писмо у отца вашего, от вас к оному писанное, в котором сенц тот есть, чтоб вам обучитца службе, на море приналежащей. Которое ваше жела-

* Сб<орник> И<мператорского> Р<усского> и <сторического> о<бщества>. Т. XI. С. 31.

** Письма к Екатерине. № 9.

*** А. Д. Меншиковым.

**** П<исьма> и б<умаги...>. Т. II. № 524.

***** Там же. Т. V. № 1638.

6* Там же. Т. III. № 625.

ние зело мы любезно принели і можем так сказать, что мы ни от единого человека из Россияен такова надобного прошения не слышали, в котором вы первый объявились, понеже зело редко случаетца, дабы кто из младых, оставя в компаниях забавы, своею волею шуму морского слушать хотел. В протчем желаем, дабы Господь Бог вам в сем [зело изрядном і едва не первом на свете почитаемом] деле благословил і счасливо в свое время к отечеству возвратил. Piter» *. Но, может быть, гораздо чаще Петру приходилось сталкиваться с противоположным настроением своих сотрудников, и тяжелый вздох вырывается у него иногда при виде уклонения от работы при мысли о своем одиночестве. «Мы, слава Богу, здоровы, — пишет он Екатерине, — толко зело тяжело жить, ібо я левъшею не умею владеть, а в адной правой руке принужден держать шпагу і перо; а помочников сколко, сама знаешь» **. В сентябре 1703 г. Ф. М. Апраксин обратился к царю с ходатайством за брата: брат пишет, что на него возложено тяжелое поручение идти к городу Ямам с двумя драгунскими полками, в обоих полках меньше полуторы тысячи человек, пехоты ему не дано ни одного человека, и с такими ничтожными силами ему велено оберегать от неприятеля города Ямы и Копорье с их уездами. Федор Матвеевич просит освободить брата от этого трудного поручения. «Если тебе, государю, не в гнев, умилосердися над ним, прикажи его свободить... Сотвори милость свою. С кем ему такую великую украину охранить? Кроме самой его конечной погибели, ничего не будет». Петр увидел в этой просьбе желание Петра Матвеевича Апраксина отлынить от трудного дела, да притом и ложь; ему кроме драгун даны были также и пехотные полки: Вилимов полк фон Делдина да Петровский полк Девсона, кроме тех 1200 человек, которые стоят в Ямах гарнизоном. «Зело досадно, — заканчивает царь свое письмо к Федору Матвеевичу, — что пишут все ложь да бедство, чего не бывало. О чем я прошу, пожалуй, отпиши к нему, чтоб он ответствовал против сего писма, так ли все, или я солгал? Тогда увидишь истину. Никто не хочет прямо трудитца» ***.

Прибавить в письмо, иногда собственноручно, строку-другую с угрозой за неисполнение поручаемого дела Петр не считает лишним. Такие строки должны были подкреплять отданное распоряжение. С кн. Д. М. Голицыным Петр держится обыкновен-

* Там же. Т. VI. № 1955.

** Письма к Екатерине. № 30.

*** П<исьма> и б<умаги...>. Т. II. № 589. Ср.: Там же. С. 651.

но холодного и сухого, но вполне корректного тона. Однако, сообщая ему о полученных от польских министров жалобах на завладение кем-то из русских польскими местностями в Киевском краю и поручая произвести строжайшее расследование, кто это сделал, виновного прислать под караулом, кто б он ни был, а взятые незаконно деревни возвратить их владельцам, Петр, несмотря на всю корректность тона письма, вставляет в него направленные по собственному адресу князя довольно выразительные слова: «А ежели поманишь, то собою заплатишь» и еще раз повторяет предписание возвратить маестности их хозяевам*. Подтверждая вторично обращенное к московскому коменданту кн. М. П. Гагарину требование о неоплошной высылке в Петербург пятой части провианта, Петр прибавляет к этому коротенькому, написанному чужою рукою письму сделанную собственноручно приписку: «Под опасением жестокого штрафа»**.

В гневе Петр обращается к вызвавшему его гнев корреспонденту напрямки и не стесняется ему в лицо называть вещи своими именами. «Письмо ваше нам вручено, — пишет он обер-инспектору московской ратуши А. А. Курбатову, — которое мы со удивлением видели, ибо о юфте испрашиваешь указу, а сам владычествуешь, пиша что уже указ посылаешь о продаже. Которая ваша дерзость вас приведет, что должен будешь все вексели и заморский платеж от себя платить. И впредь о таких своих плутнях ко мне не пиши»***. «Господин маеор, — читаем мы в письме к кн. В. В. Долгорукому, назначенному командовать войсками, посланными против мятежника Булавина, — письмо ваше я получил, в чем зело печально, что дурак Бильс так изрядной полк дуростью своею потерял; аднакож как будут являтца и солдат [понеже не все пропадут], опять по малу оной полк устроить потщися»****. «Солдатам вели давать провианту, — пишет Петр кн. А. И. Репнину, — на месяц по два четверика. А что Ржевской объявил вам нашим указом, чтоб давать на полтора четверика, и то он, дурак, солгал»*****. В письме к кн. Гр. Ф. Долгорукому читаем такие жесткие строки: «Я зело удивляюсь, что вы на старости потеряли свой разум и дали себя

* Сб<орник> И<мператорского> Р<усского> и<сторического> о<бщества>. Т. XI. С. 92.

** Там же. С. 148.

*** П<исьма> и б<умаги...>. Т. VI. № 1893.

**** Сб<орник> И<мператорского> Р<усского> и<сторического> о<бщества>. Т. XI. С. 39.

***** П<исьма> и б<умаги...>. Т. VI. № 1871.

завесть всегдашним обманщикам и через то войска в Польше остановились» *.

Но Петр готов простить виноватого в случае чистосердечного принесения повинной. В 1704 г. Петр Матвеевич Апраксин, командуя отрядом войск под Нарвой, проглядел высадку 700 человек шведов, приставших к берегу на мелких судах (галиотах). Высадившиеся пробрались в Нарву и усилили ее гарнизон в то время как русские собирались осаждать этот город. «Я никогда не слыхал от вас, — пишет Петр через месяц Федору Матвеевичу Апраксину, — о худом деле брата твоего (пропуск галиотов); но сегодня слышал... что вы зельными слезами просили. Я иного не знаю писать, понеже он ни единой покорности в оном не приносит и не точию сие, но и еще себя права творит, вменяя нам во младенчество. Однако вам, яко другу, объявляю: если принесет публично нерадение и неисправность свою, то я простить не оставлю взыскание; буде же инак, то можешь сам рассудить, как может быть милость, когда согрешая и вину принесть не хочет?» Подписав письмо, царь прибавил еще приписку: «Подлинно прошу, чтоб сего конечно письма виноватый не ведал» **; он желал, видимо, чтобы Апраксин покаялся искренне и по доброй воле, а не по его письму. В 1706 г. старый служака и приказный делец думный дьяк А. А. Виниус уехал без позволения государя из-под Гродна за границу, в Пруссию. В свое оправдание он приводил, что принужден был направиться к прусской границе, не будучи в состоянии во время движения шведов достать лошадей, чтобы доехать до московской границы. Открылся также и другой, более ранний эпизод, относящийся к 1703 г. Оказалось, что Виниус, жаловавшийся царю на скудость своих средств, поднес в 1703 г. 10 000 руб. Меншикову, чтобы тот оставил его на занимаемом месте во главе сибирского приказа. На просьбы о прощении Петр 18 июня 1707 г. ответил: «Господин Виниус. Писма ваши три я принял, на которые ответствую, что как вы свою поездку ни рассуждаете, однакож она не без вины есть; что же вы тут поминаете, что отчужден от милости, и в том можете сами рассудить: пока вы постоянно шли, тогда и я к вам теплее был, а когда сказывать стали, что нечево есть, а десеть тысяч в одну ночь дали, тогда и меня сие ваше непостоянство от вас отдалило. Но ныне, ежели хотите паки возвратитца, то во всем прощение получите; також и все ваше вас отдано будет; в том можете весьма надежны быть» ***.

* Госуд<арственный> арх<ив>. Тетр<ади> зап<исные>. 1715. С. 61.

** П<исьма> и б<умаги...>. Т. III. № 670.

*** Там же. Т. V. № 1805.

Что еще важнее, Петр настолько владеет собою и настолько господствует над своим самолюбием, что готов сам признать свою ошибку — черта, которую он проявляет в воспоминаниях о своих прошлых поступках и даже в законодательстве. Вспоминая о начале Шведской войны, он откровенно заявляет, что начали войну, «как слепые». В законодательстве он не прочь признать то или другое свое распоряжение ошибкой, говоря: «Сие тогда не осмотря учинено», как он выразился о постановлении, в силу которого сенат, контролирующей коллегии, должен был составляться из президентов коллегий, и таким образом вышло, что эти президенты оказались сами у себя под контролем. Но ошибка, сделанная царем, больно иногда давала себя чувствовать другим людям, и Петр, сознавая это, готов тотчас же просить прощения у напрасно обиженного им человека. Явившись 23 августа 1710 г. на адмиралтейский корабль, Петр вышел из себя, найдя множество упущений в его оборудовании. «Грот фадар, — пишет он виновному, по его мнению, в этих упущениях адмиралтейцу А. В. Кикину, — сего моменту приехал я на карабль адмиральской, на котором многово не обрел, что потребно, а именно: большого котла, аконницы ни единой, столяра и плотника такоже ни одного... такоже ни стола, ни стула, в чем мне не без стыда будет тако мой карабль адмиралу представить, в чем будете вы ответ в сем просмотрении дать» *. Но, расследовав обстоятельнее дело, Петр понял, что погорячился и обвинил Кикина напрасно. «Дедушка! — обращается он к нему на этот раз по-русски, что звучит гораздо теплее, — пожалуй, прости; ныне осведомился, что безхитросно кроме вас то учинилось и объявилось» **.

Эта готовность сознать свою ошибку и изгладить ее вредные последствия для другого исходит у Петра от строгого и взыскательного отношения к себе и от скромного взгляда на себя как на человека, не изъятого от общего свойства людей — ошибаться. «Кто Богу не грешен, кто бабе не внук» — одна из поговорок Петра Великого, слышанная из его уст И. И. Неплюевым, на себе испытывавшим снисходительное отношение Петра при условии не лгать, говорить правду. Готовый признать свои недостатки и ошибки, Петр с тою же скромностью смотрит на свои заслуги. Этою скромностью проникнуты его письма с радостными известиями о победах, которыми царь спешит поделиться с сотрудни-

* Сб<орник> И<мператорского> Р<усского> и<сторического> о<бщества>. Т. XI. С. 20. № XXX.

** Там же. С. 28.

ками*. Описывается самое действие, исчисляются свои и неприятельские потери, передается поздравление с сею никогда бываемою викториєю — но о себе почти никогда ни слова. А между тем немалое число успехов русского оружия в тяжелую Северную войну обязано энергии и распорядительности Петра и, главное, его способности не только не унывать и не терять присутствия духа при неудачном обороте дела, но, напротив, удваивать в таком случае энергию, ободрять и возбуждать других. «Не извольте о бывшем несчастьи печальным быть, — пишет он Б. П. Шереметеву, разбитому при Гемауертсгофе, — понеже всегдашняя удача многих людей ввела в пагубу, но забывать и паче людей ободривать»**. Счастье изменчиво; если оно балует человека долго, оно его портит, вводит в пагубу, и Петр хладнокровно и спокойно смотрит в лицо непостоянной судьбе, готовый принять ее удары. Его спокойствие и стойкость — твердая опора для его сотрудников, способных растеряться в минуты невзгоды. Его внимание, оказываемое труженикам мелкого чина, напрягает их мужество и энергию. Не раз письмо к генералу или фельдмаршалу Петр заканчивает просьбой передать его поклон всем офицерам и рядовым солдатам.

VI

«Делу время и потехе час», — говорил царь Алексей Михайлович, который не прочь был посвятить досуг любимому удовольствию — охоте или провести вечер в веселой компании с приближенными. Петр отводил делу больше времени, чем отец, или, точнее, в то же время умел затратить много больше трудового напряжения. Вот почему и час его потехи длился дольше потехи царя Алексея. Прерывая работу, Петр умел отдаться охватывавшему его веселью с тем же порывом, с каким он отдавался и работе. Веселье не мешало ему продолжать вести дело. Обыкновенно праздники Рождество и Пасха проводились с особым подъемом; но работа не прекращалась и в праздники, хотя, может быть, и не шла так напряженно. Поздравляя Меншикова 23 апр. 1720 г. с праздником св. Пасхи, Петр далее прибавляет: «Вместо яйца посылаю при сем книгу труда своего Морского Регламенту... Не подивуй на письмо: писано на святой неде-

* См., напр.: Там же. С. 20, 27, 37, 38.

** П<исьма> и б<умаги...>. Т. III. № 864.

*** Госуд<арственный> арх<ив>. Тетр<ади> зап<исные>, 1720. № 54.

*** Письма к Екатерине. № 123.

ле» **. Писем, и в особенности деловых писем, Петр, как мы видели уже, из-за празднеств и пиров не откладывал, писал их за обеденным столом, и случай, о котором он сообщает в одном из писем к Екатерине, надо признать редким. В этом письме, помеченном 19 июня 1719 г. в 7 часов утра с корабля «Ингерманландия» под Ревелем, Петр извиняется, что не написал ей вчера, 18 июня. «Все обедали у меня, — оправдывается царь, — и по обеде поехали в гавань на взятые корабли, где довольно размахнули, за чем вчерась писать было нельзя» ***. Петр и с другими любит поделиться охватившим его веселым настроением и с пира шлет тому или другому из приятелей такое письмо, которое при чтении как бы переносит нас в самый развал пира, в самый шум происходящей оргии. Таково не раз печатавшееся коллективное послание к Меншикову в Светлое Воскресенье 24 марта 1706 г. из Нарвы. «Сего дни по обедни первое были в вашем доме и разговелись и паки при скончании сего дня паки окончили веселие в вашем доме. Воистинно, слава Богу, веселы, но наше веселие без вас... яко брашно без соли». Подписи под этим письмом, начинающиеся словами «“Лизет Даниловна” *», лапку приложа, челом бьет», показывают, что веселье, о котором сообщает царь, дошло действительно до высокого градуса. Вслед за рукоприкладствами членов всепьянейшего собора смиренного Мисаила Казанского и Свяжжского ** и архидиакона Гедеона Шаховского *** подписался «протодиакон Петр». Следуют затем подписи диакона Киприана и нескольких лиц с приписками разных пожеланий, напр<имер>: «Еким ****, мужик матерой, с сим праздником поздравляю милости твоей, моему государю; а мне ныне позволено на три дни пьяницею быть». Под всеми подписями как бы скрепа рукою опять самого государя: «Боже, дай милость свою» *****. В том же роде шуточные также коллективные письма к Меншикову: от 3 февр. 1703 г. из его городка Равенбурга — Петр подписался под этим письмом «протодиаконом Питиримом» ^{6*} — и к нему же из Петербурга от 26 ноября 1707 г. с уведомлением о праздновании именин Меншикова 23 ноября. Письмо было написано в самый день торжества, но отправлено только 26-го, причем Петр сде-

* Любимая собака Петра В<еликого>.

** Кн. М. Ф. Жировой-Засекин.

*** Кн. Ю. Ф. Шаховской.

**** Карлик Яким Волков.

***** П<исьма> и б<умаги...>. Т. IV. № 1179.

^{6*} Там же. Т. II. № 489.

лал еще приписку: «В день вашего тезоименитства так веселились: истинно по смерти господина Лаворта до сего дни такого не было веселого дни; і не пазналі и дней, понеже уже в третьем часу на другой день легли спать» *.

VII

Есть среди писем Петра такие, которые бросают свет в интимный уголок его теснейших отношений и рисуют нам ту сторону его духовного облика, которая без них осталась бы нам совсем неизвестной. Это семейная переписка Петра, переписка с его второй семьей. Отношения к первой жене и к сыну от нее были всегда неладны. Писем Петра к первой жене не сохранилось, да их, вероятно, и не было. Письмо к нему царицы Евдокии в Архангельск содержит упреки, что он ей ничего не пишет **. Письма к сыну черствы и холодны. Письмо начинается или без всякого обращения, или Петр ставит в начале письма обращение по-немецки «Зоон», что также не вносит особенной теплоты. Отцовские письма не приносили царевичу никаких приятных известий; напротив, неоднократно он находил в них самые неприятные сюрпризы. Не было сказано в них хотя бы одного слова ласки, а обширные письма 1715 г. после смерти жены царевича, в которых Петр решил откровенно и окончательно объяснить с ним, полны горечи и сарказма.

Но в отношении ко второй семье Петр вносил немало нежности, иногда, разумеется, в свойственной ему шутливо-грубоватой форме. «Поцелуй за меня Лизетку, — пишет он дочери, царевне Анне Петровне¹⁰, от 22 марта 1721 г., — и болшую шумную девицу Натальицу» *** (дочь, род. 1718, † 1725). В более раннем письме к Анне Петровне от 4 янв. 1717 г. царь извещает ее о рождении царевича Павла: «Объявляем Вам, что мать окотилась и принесла другого рекрута Павла. И поздравляю с другим братом, а первого поцелуй и от меня и от брата» ****. В письме к сестре, царевне Наталье, от 31 марта 1716 г. царь выражает ей благодарность за ее заботы о его «детках» и сам проявляет трогатель-

* Там же. Т. VI. № 2081.

** Устрялов. История царствования Петра В<еликого>. Т. II. С. 406: «Как ты, свет мой, изволил пойтить, и ко мне не пожаловал не отписал о здоровьи ни единой строчки» (1694 г.).

*** Госуд<арственный> арх<ив>. Тетради записн<ые>. 1721. Л. 21 об.

**** Там же. 1717. Л. 4.

тельную заботливость о младшем сыне, грудном младенце, которого стали тогда отлучать от груди. «Изволила писать, что давали есть Петрушеньке, и я с матерью (т. е. с Екатериной) говорил, она сказывает, что пора; извольте с Богом кормить» *. Но особенной теплотой проникнуты его письма к Екатерине. Уже самое обращение к Екатерине свидетельствует о теплом чувстве. В первых письмах он называет Екатерину шутливо: Матка, Мудер, Хозяйка, а затем в позднейших обращается к ней с неизменно нежным названием: «Катеринушка, друг мой сердешненькой, здравствуй». Разлучаясь, супруги вздыхают один по другому и жалуются на скуку. «Приезжай, друг мой сердешненькой, ко мне скоряе, чтоб не так скучно было» **. «А что ты пишешь, чтоб я скоряя приехал, что вам зело скушно, тому я верю, только — каково і мене без вас, і могу сказать, что, кроме тех дней, что я был в Версалии і Марли, сколь великой plezier имел». Супруги нередко обменивались подарками. Екатерина посылала мужу за границу пива, свежепросольных огурцов или бутылку-другую какого-то отечественного «крепыша», от которого ему, однако, приходилось воздерживаться при пользовании минеральными водами, а он ее отдаривал брабантскими кружевами. Иногда и самые подарки отражали на себе чувства их посылавших. Так, при одном из писем Петр послал супруге пучок своих остриженных волос, а при другом в 1719 г. из Ревеля — цветы мяты, посаженной Екатериной в бытность ее в Ревеле, и в ответ получил послание, в котором она писала, что «мне это не дорого, что сама садила; то мне приятно, что из твоих ручек» — письмо совершенно в стиле любовно-сентиментальных песенок, начавших появляться у нас в XVIII столетии. Грубоватые нравы века находили себе отражение в тех шутках, которыми обменивались в письмах Петр с женою. Петр в 40 лет называл себя стариком перед Екатериною, которой было в то время 27. «Напрасно затеяно, что старик, — отвечает она ему, — ибо могу поставить свидетелей старых посестрий, а надеюсь, что и вновь к такому дорогому старику сыщутся». «Понеже во время питья вод, — читаем в письме Петра из Спа, где он лечился минеральными водами, — домашней забавы дохтуры употреблять запрещают, того ради я метресу свою отпустил к вам, ибо не мог бы удержаться, ежелиб при мне была». Получив письмо и посмотрев на метресу, Екатерина отвечала: «Что вы изволите писать, что метресишку свою отпустили сюда для своего воздержания,

* Там же. 1716. Л. 60 об.

** Письма к Екатерине. № 63.

что при водах невозможно с нею веселиться и тому я верю; однакож больше мню, что вы оную изволили отпустить за ее болезнь, в которой она и ныне пребывает, и не желала б я, чего Боже сохрани, чтоб и галан той метресиски таков здоров приехал, какова она приехала. А что в другом своем писании изволите поздравлять именинами старика и шишечкиными, и я чаю, что, ежелиб сей старик был здесь, тоб и другая шишечка на будущий год поспела».

